

УДК 81'38; 801.6; 808
DOI 10.17223/19986645/23/3

И.А. Пушкарева

**О СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ ОБРАЗА
ГОРОДА В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА
(ТЕМА «ДОСТОЕВСКИЙ В КУЗНЕЦКЕ» В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ
«КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»)**

Статья посвящена особенностям современного газетно-публицистического стиля. На материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» рассмотрен образ города, который создаётся в публикациях на тему «Достоевский в Кузнецке». В ходе семантико-стилистического анализа охарактеризованы средства и приёмы актуализации ключевых смыслов, связанных с образом города. Особое внимание уделено такому регулятивному средству, как имя собственное. Выявлена роль приёма параллельного изображения в репрезентации образа города.

Ключевые слова: газетно-публицистический текст, городская газета, краеведение, регулятивное средство, имя собственное.

Городская газета, реализуя традиционные для публицистики функции информирования, воздействия, выражения социальной оценки (см. о них: [1. С. 84], [2. С. 313]), ориентируется на создание образа малой родины, в чём существенную роль играют материалы краеведческого характера. По словам Д.С. Лихачёва, «краеведение – прекрасная школа воспитания гражданственности», «теория краеведения должна быть предметом изучения в гуманитарных и педагогических вузах» [3. С. 228–229]. И.П. Басалаева обосновывает выделение концепта «Кузнецк Достоевского» и необходимость его изучения [4]. «Кузнецкой коллизии» в судьбе Ф.М. Достоевского посвящены специальные исследования (например, [5], [6]). Старейшая городская газета «Кузнецкий рабочий» также рассказывает об истории любви Ф.М. Достоевского и М.Д. Исаевой. Актуальным представляется вопрос о специфике семантико-стилистического воплощения образа города в контексте материалов газеты «Кузнецкий рабочий» на тему «Достоевский в Кузнецке» (для анализа с официального сайта газеты <http://kuzrab.ru/> были отобраны тексты за 2002–2012 гг.). Изучение города становится этапом «родиноведения» (термин И.М. Гревса): «Надобно изучить его [города] биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность – и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа... Необходимо уразуметь процессы, какими эта душа слагалась, на какой почве, из какой цепи влияний и смены обстоятельств, – и к чему в конце концов привело город его прошлое» (цит. по: [3. С. 142]). Например, результаты исследования концепта «город Томск» как «доминанты регионального самосознания» отражены в работах И.И. Бабенко, Л.И. Ермоленкиной, И.В. Никиенко (см.: [7]).

Краеведческие материалы городской газеты насыщены таким регулятивным средством, как имя собственное. Согласно характеристике Н.С. Болотновой с помощью регулятивных средств «выполняется та или иная психоло-

гическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [8. С. 167]. Регулятивная сила онимов в тексте predetermined уже их графическим обликом: слова, написанные с прописной буквы, заметны для адресата в большей степени, чем оформленные строчными буквами. Журналисты активно используют коммуникативный потенциал имён собственных. На этапе восприятия текста они помогают найти своего читателя, которому важна обозначенная отсылка к референту. На этапах понимания и интерпретации имена собственные входят в смысловую структуру текста, что проявляется в их включённости в контексты, насыщенные эмоционально-экспрессивно и концептуально, и в смысловые лексические парадигмы (далее – СЛП) – регулятивные структуры, основанные на актуализированных в тексте парадигматических связях лексических единиц (см. о них: [8. С. 191]). В материалах «Кузнецкого рабочего», раскрывающих тему «Достоевский в Кузнецке», мы встречаем различные виды имён собственных. (В статье используется ономастическая терминология Н.В. Подольской [9].)

Важными знаками, создающими образ города, в материалах на тему «Достоевский в Кузнецке» становятся антропонимы, среди которых выделим две группы. Во-первых, антропонимы, называющие горожан, определённым образом включённых «в орбиту» великого писателя (М.Д. Исаева, Н.Б. Вергунов, Е.И. Тюменцев и др.); к этой группе примыкают имена возможных прототипов и соответствующие им поэтонимы и идеонимы, а именно библионимы – названия письменных произведений (в рассмотренном материале это агионим, называющий сибирского святого **Зосиму (Верховского)**, и соответствующие поэтоним и библионим): *Старец Зосима позже стал основным прототипом героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», также старца Зосимы. Известно, какое воздействие на души читающих россиян оказал в XIX в. роман «Братья Карамазовы» и как поразили их образ старца Зосимы. От общения с этим литературным героем просветлялись души не только персонажей романа, но и всех, кто его читал. Таким образом, без ложной скромности можно утверждать, что наш сибирский святой Зосима (Верховский) посредством литературного таланта Достоевского стал духовным наставником множества российских грамотных людей, читавших роман. И этот факт, несомненно, также имеет право на широкую известность и особую гордость* (статья В. Валиулина «Новокузнецком привыкну гордиться...», 03.12.2009). Во-вторых, антропонимы, называющие специалистов, представителей творческой интеллигенции, общественности, которые занимаются краеведением. Такие антропонимы сопровождаются приложением или другой конструкцией, содержащей характеристику деятельности человека, и часто соседствуют с идеонимами (названиями работ, изданий, конференций, выставок, обществ и т.п.). Регулятивная сила онимов первой группы нацелена на удовлетворение познавательного интереса читателя, что способствует воспитанию патриотизма: любовь и уважение к малой родине вырастают из погружения в её историю, насыщенную событиями, зачастую имеющими отнюдь не местного значения резонанс. Регулятивная сила онимов второй группы особенно значима для выражения в газете идей краеведения и связана не только с ориентацией на читателя, знакомого с данной информацией. Сопровождающая оним характеристика вида деятельности наце-

лена и на адресата, который готов преодолеть состояние энтропии в вопросах краеведения.

В материалах, раскрывающих тему «Достоевский в Кузнецке», неоднократно упоминаются *А.С. Шадрина* (новокузнецкий историк, профессиональный музейщик, она занимается исследованием русской истории и культуры и принадлежит к тем людям, что особо не нуждаются в представлении; автор книги о пребывании Достоевского в Кузнецке: [5]), *Е.Д. Трухан* (директор музея Достоевского, автор многих материалов; К слову, ряд материалов *Елены Трухан*, также посвященных юбилею Достоевского, опубликованы в московском журнале «Мир музея», в барнаульском сборнике статей о писателе. – В. Немиров, 16.02.2012), профессор *С.Д. Тивяков* (президент краеведческого объединения «Серебряный ключ»), *И.П. Басалаева (Рецикова)* (историк, преподаватель НФИ КемГУ).

Особое внимание уделено «Кузнецким рабочим» творческому осмыслению темы «Достоевский в Кузнецке» художницей А.Ф. Фомченко и поэтессой Л.А. Никоновой. Авторы материалов конкретизируют характеристику деятельности талантливых новокузнецчанок, усиливают оценочную составляющую текста. Так, в отзыве Е. Трухан «Затейливой рукой и добрым сердцем» (02.02.2012) о выставке, посвящённой памяти новокузнецкой художницы *Альбертины Фёдоровны Фомченко*, мы читаем: *Музейное собрание пополнилось авторскими работами: в фонд вошло 6 живописных полотен и 4 предмета декоративно-прикладного искусства А.Ф. Фомченко, посвящённые теме «Достоевский в Кузнецке». В свою очередь, благодаря искренней поддержке музейщиков Фомченко обнаружила новые грани собственного таланта: оказалось, она может писать исторические портреты и портреты современников, стать первооткрывателем темы «Достоевский» в лаковой миниатюре, создать и оформить в палехском стиле старинный рождественский театр-вертеп.*

Журналисты удивляются поэтическому прозрению члена Союза писателей России *Л.А. Никоновой*, ушедшей из жизни в 2012 г. и ещё в 1987 г. написавшей удивительной стихотворение: *У нашей замечательной поэтессы Любови Никоновой есть стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год», а в нём такие строчки: «Они обвенчаны. Обвенчаны. Она выходит на крыльцо... Взгляните в скорбное лицо Судьбу свою понявшей женщины: Взор заслонила боль растущая, Вдохнуть всей грудью не даёт. Решилось: жизнь её грядущая К его созданьям перейдёт». Стихотворение написано в 1987 году, когда мало кто из достоевсковедов решался так высоко поднимать роль Марии Дмитриевны Исаевой в жизни Достоевского. Сейчас же оценка её, как «матери» героинь Достоевского, находит всё больше приверженцев (аналитическая корреспонденция В. Валиулина «Достойные есть». 09.09.2010). Кратко упоминается в городской газете также скульптор *А.П. Брагин*: 11 ноября 2001 года в Музее Достоевского в рамках празднования юбилея писателя состоялось открытие бюста Ф.М. Достоевского, выполненного новокузнецким скульптором *А.И. Брагиным* (хроника А. Шпрингера «День в истории города». 10.11.2011).*

Антропонимы, включённые в материалы о кузнецких днях великого писателя, представляют не только наших современников. Читатели «Кузнецко-

го рабочего» имеют возможность вспомнить или получить новую информацию об И.С. Конюхове и В.Ф. Булгакове. **И.С. Конюхов**, согласно характеристикам газеты, купец, *Горожанин с заглавной буквы*, автор *«Кузнецкой летописи»*, в которой описывается жизнь наших великих земляков – *святых старцев Василиска Сибирского и Зосимы (Верховского)*. **В.Ф. Булгаков**, по словам В. Валиулина (очерк «Три ступени к Толстому». 20.11.2010), *уроженец маленького сибирского городка Кузнецка*. В отзыве-анонсе Е. Трухан о выставке в музее Достоевского «“Обыск брачный № 17” как разрешение “грозного чувства”» (14.02.2012) читаем: *Впервые на выставке «Кузнецкий венец» музей Достоевского экспонирует подлинный экземпляр газеты «Сибирская жизнь» за 1904 год, где была опубликована знаменитая статья «Ф.М. Достоевский в Кузнецке». Её автор – Валентин Булгаков, последний секретарь Л.Н. Толстого. Собранные, обработанные и введённые им в научно-исследовательский оборот воспоминания кузнецчан на сегодняшний день были и остаются ценным документальным и мемуарным источником о венчании Достоевского. В развёртывании текстов важны смысловые лексические парадигмы онимов. Так, В. Валиулин (20.11.2010) актуализирует СЛП антропонимов со связью пересечения **В.Ф. Булгаков – М.Д. Исаева, Ф.М. Достоевский – Л.Н. Толстой: Имя Валентина Фёдоровича так же свято для интеллигенции нашего города, как и имя Марии Дмитриевны Исаевой. М.Д. Исаева была первой женой Фёдора Михайловича Достоевского, В.Ф. Булгаков – последним секретарем Льва Николаевича Толстого. Через них драгоценные для мировой культуры образы притянулись к Кузнецку, стали нашим культурным, а ещё более того – духовным достоянием. Есть в этом, думается, некий Высший Промысел. Когда-нибудь мы, возможно, поймём, какой именно.***

В материалах о кузнецких днях писателя Новокузнецк, с одной стороны, предстаёт перед нами как один из городов, причастных к судьбе гения, с другой стороны, он по-своему уникален. Различные топонимы (ойконимы (ас-тионимы), эргонимы, урбанонимы: хоронимы, агоронимы, годонимы, экклезионимы, ойкодонимы) наряду с апеллятивами участвуют в создании пространственно-временного образа города. Например: *Не случайно сегодня улица носит имя Достоевского* (М. Шамова. 29.03.2008); *Литературоведы считают, что наш город – единственный из всех сибирских городов, который был отмечен для писателя радостью* (А. Ночка. 13.11.2010). Благодаря образу, созданному на страницах городской газеты, город предстаёт перед нами в единстве прошлого, настоящего и будущего, как пространство не только физическое, но и духовное.

Для воплощения образа Кузнецка – Новокузнецка в городской газете характерен приём **параллельного изображения**, прежде всего прошлого и настоящего города. Иногда изображение дополняется третьим планом – гипотетического будущего, в соответствии со значимостью для публицистики перспективности во временной организации текста. Особый случай – параллельное изображение истинного и мнимого, когда журналисты развенчивают существующие в сознании горожан мифы. Например, в параллельное изображение истинного и мнимого включены экклезионимы: *В ней [в Одигитриевской церкви], а вовсе не в Спасо-Преображенском соборе, писатель*

обвенчался с *Марией Исаевой, своей Музой и первой женой* (А. Ночка. 13.11.2010). Параллели нередко имеют не только фактическое, но и эмоционально-экспрессивное, символическое значение. Естественно, что в установлении параллелей участвуют различные урбанонимы, например: *Но сохранились другие осколки старины – дом на улице **Большой**, ныне **Достоевского**, где жили Исаевы и куда приезжал писатель и где сейчас располагается литературно-мемориальный музей* (годонимы; Н. Каменева. 23.11.2006); *Добавлю к этому мысль, неоднократно высказывавшуюся многими краеведами: бывшая **Базарная**, а ныне **Советская** площадь (оба названия, как видно, устарели) вполне может, а возможно, и должна стать площадью **Достоевского*** (агоронимы; В. Валиулин. 11.11.2010); *Это ведь историческое **Подгорье**, некогда весьма фешенебельный район моего старинного города, не в пример нынешней славе **Форштадта*** (хоронимы; И. Басалаева. 01.12.2011).

Сопоставление прошлого и настоящего, настоящего и будущего, прошлого и будущего реализуется не только с помощью онимов. Например, используется высказывание с оппозицией *сегодня – когда-то (тогда)*: *Сегодня улица Достоевского, с располагающимися вдоль неё небольшими деревянными домиками, более напоминает деревенскую, а когда-то это была центральная улица Кузнецка. В XIX столетии здесь проживали самые знатные горожане, находился ряд административных учреждений. Тогда она именовалась **Большой*** (М. Шамова. 29.03.2008). В отчёте В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке» (11.11.2010) мы встречаем параллельное изображение гипотетического будущего и прошлого, что создаёт перспективность изложения: *президент «Серебряного ключа» Сергей Дмитриевич Тивяков предложил создать в Топольниках тропу Достоевского, где он гулял, когда приезжал в Кузнецк*. Выделение такого пространственного образа, как *тропа*, свидетельствует о сакрализации образа Достоевского в памяти потомков.

Концептуально важно параллельное изображение, связанное с образом *церкви*. В него включаются такие разнородные по смысловой нагрузке образы, как церковь (прошлое) и тюрьма (настоящее): *В Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви Достоевский венчался с Исаевой. Этого храма сейчас на карте города нет. Он был разрушен уже к началу 30-х годов прошлого века* (Н. Каменева. 23.11.2006); *Церковь же, где венчался Достоевский, не сохранилась. Она была сожжена и разрушена в декабре 1919 года. (Сегодня тюрьма, которая стоит на месте Одигитриевской церкви, часто является ориентиром для желающих посетить музей.)* (М. Шамова. 23.09.2008); *Он не был здесь в ссылке и в Кузнецкой тюрьме никогда не сидел. Скажу больше: той тюрьмы (на кольце у Советской площади), которой некоторые приписывают эту честь, в середине XIX века и не было вовсе. Зато примерно на этом месте тогда стояла Одигитриевская церковь, первый каменный храм Кузнецка* (А. Ночка. 13.11.2010). (На официальном сайте центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя приведена следующая информация: «В декабре 1919 г. Одигитриевский храм разграбили и сожгли красные партизаны, после чего пустующее здание в начале 1930-х гг. снесли, построив на его месте объездную дорогу, а на месте церковного сада – массивное кирпичное здание тюрьмы».) В некоторых материалах, посвящённых месту Одигитриевской церкви в культурном пространстве города, изображение дополняется

третьим планом – гипотетического будущего: *Речь идёт о переносе кузнецкой тюрьмы (СИЗО-2) в иное место и восстановлении на этом месте церкви Божией Матери Одигитриевской, в которой венчались Ф.М. Достоевский и М.Д. Исаева* (В. Валиулин. 18.12.2010).

Гармоничное параллельное изображение связано с образом **музея**, который находится на той улице, где некогда жила Исаева: *Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского занимает два помещения. По одну сторону улочки дом, в котором жила Мария Исаева и двадцать два дня пробыл Фёдор Михайлович, где и расположена постоянная экспозиция, отражившая «кузнецкую коллизию» писателя. По другую сторону – бывший купеческий дом, в котором работники музея организуют литературно-художественные выставки, в основном посвящённые поэтам Серебряного века, но и не только им* (Т. Тюрина. 17.06.2003). Музей контрастно выделяется в окружающем его пространстве, которое оценивается экспрессивно-неодобрительно: *Почему в таком диком состоянии находится пространство вокруг музея Достоевского?* (И. Басалаева. 01.12.2011); *Только видно, что музей и улица живут отдельной жизнью. Музей разительно выбивается из той унылой атмосферы, в которую оказался погружён. Скучное освещение, грязные подворотни, многомерные помойки, стаи бездомных собак... Созерцание улицы навеивает самые грустные чувства и переживания. Да что созерцание...* (М. Шамова. 29.03.2008).

В экспрессивно-неодобрительном описании не столько пространства вокруг музея, сколько небрежения к памяти использован символически нагруженный образ **мусорной кучи**: *Эта мусорная куча близ музея ещё несколько раз «всплывала» в выступлениях краеведов, превратившись в конце заседания едва ли не в символ отношения города к своей культурной святыне. Кто-то сказал даже, что она и есть признак того, что образ Достоевского в городе присутствует, так как ситуация с музеем и мусорной кучей возле него – это и есть самая настоящая «достоевщина»* (В. Валиулин. 11.11.2010). Символическое звучание обретает и образ **пути** к музею, который одновременно является образом метафизического пути к Достоевскому: *Разбитый спуск к пешеходному переходу, длинная стена тюрьмы (что называется, без архитектурных излишеств), за ней специфический мирок слободки с полуаварийными домами, потом пустырь, по правую руку некая промзона, далее сочная помойка с привольно раскинувшимся в радиусе тридцати метров содержанием, – а вот после этого уже и музей, с неожиданным простором в маленьком ухоженном дворике. На обратном пути во всём этом маргинальном пейзаже поневоле обнаруживаешь присутствие метафизической достоевщины. Всё как в романах Достоевского, по принципу катарсиса: через низ, грязь, вину, страдание – через перекрёсток и площадь – вверх, к храму, к свету. Однако же премьера В.В. Путина в его новокузнецкий визит в 2009 году сюда на всякий случай не повезли* (И. Басалаева. 01.12.2011).

Проблемы, которые есть у музея, на самом деле являются проблемами всех горожан, не умеющих чтить память. Музей в городской газете осознаётся как особое пространство – пространство памяти, воплощённой в образно-сюжетной экспозиции и различных мероприятиях: *Покидая пространство образно-сюжетной экспозиции, воодушевлённые и переполненные эмоциями,*

иногда озадаченные, посетители гадали: с кем же всё-таки встретились они в эту загадочную ночь – с сотрудниками музея или профессиональными актерами? (Е. Трухан. 24.11.2011). Прикосновение к этому пространству возможно только при эмоциональном отклике посетителей музея. Причём, в соответствии с духом публицистики, в газете выражено неоднозначное отношение к экспозиции музея: *Совершенно справедливо (забегая вперёд, скажу) заметила по этому поводу самый заслуженный краевед Новокузнецка историк Альбина Степановна Шадрина, что дело не в мусоре вокруг музея, а в его главной экспозиции. И рассказала о том, как однажды известный кинорежиссёр, побывавший в доме-музее М.Д. Исаевой, сказал ей шёпотом: «Мне было в нём страшно». Да и автору этих слов экскурсовод однажды говорила, что дети-экскурсанты нередко боятся входить в музей, в прихожей которого «сидит» чучело Марии Дмитриевны. Эта спорная экспозиция действует в доме-музее уже 14 лет и, вместо радости познания духа любви двух великих людей (Исаевой и Достоевского), вызывает совсем другие эмоции* (В. Валиулин. 11.11.2011). Но даже это высказывание, выражающее дискуссионный подход, основано на уверенности в том, что музей является пространством духовной деятельности человека, чтящего память о прошлом и прикасающегося к нему. В пространстве музея прошлое оживает, и об этом свидетельствуют не только сообщения о многочисленных театрализованных представлениях, но и, например, такое метонимическое употребление антропонима: *Белоснежную шапку надел и Фёдор Михайлович Достоевский во дворе литературно-мемориального музея его имени* (А. Ночка. 13.11.2010).

Эмоционально-экспрессивная и концептуальная нагрузка контекстов, создающих образ города, подчёркивается использованием таких регулятивных средств, как тропы и стилистические фигуры, оценочная лексика, словainterтенсивы, частицы, пояснительные конструкции (ср. с описанием категории акцентности: [10]). Эти средства выполняют функции усиления, уточнения, оценки, обеспечивая тем самым обратную связь автора с адресатом. Например, метафора из материала Н. Каменевой (23.11.2006): *Кузнецк стал **определяющей** путевой вехой в творчестве Достоевского* (веха – перен. Важный момент, этап в развитии чего-нибудь [11. С. 72]); антитеза из материала В. Валиулина (09.09.2010): *<...> **не откуда-нибудь, а из Кузнецка** вывез он свою страдающую музу <...>*. Многочисленные контексты, в которых используются названные регулятивные средства и реализуются указанные функции: *Здесь, в Кузнецке, писатель сделал ей предложение руки и сердца <...>* (М. Шамова. «Будет ли на нашей улице праздник?». 29.03.2008); *Напомним читателям, что около месяца назад краеведы обратились к главе города В.Г. Смолего с предложением провести в Новокузнецке Год Достоевского в 2011 году, когда будет отмечаться 190-летие со дня рождения великого русского писателя. Новокузнецк имеет на это особое право, поскольку **именно у нас в Кузнецке 6 февраля 1857 года Фёдор Михайлович венчался с Марией Дмитриевной Исаевой, ставшей местной жительницей по целому ряду драматических обстоятельств*** (В. Валиулин. «Краеведы начинают действовать». 18.12.2010); *И **только после Кузнецка**, обвенчавшего его с музой, становится он великим писателем* (В. Валиулин. «Достойные есть». 09.09.2010); *Но память о том, что одно из самых счастливых событий в жизни великого*

писателя случилось **не где-нибудь, а здесь, в Кузнецке**, осталась (А. Ночка. «Каждому своё». 04.02.2012).

Как видим, оценка связана с мелиоративной характеристикой важной роли кузнецких событий в судьбе Достоевского. Однако встречаются контексты, где образ Кузнецка сопряжён с пейоративной оценкой, что свидетельствует как о стремлении журналистов к многоаспектному и правдивому отражению действительности (*Говорят, что в ранней повести «Дядюшкин сон» Достоевский описал свои кузнецкие впечатления – они, как бы это мягко сказать, не очень светлые.* – Хроника В. Немирова «Сквозь призму юбилейных дат». 28.01.2012), так и об использовании приёма контраста, который позволяет усилить мелиоративную оценку (*Здесь он обрёл свою самую большую любовь, Музу и вдохновительницу, отсюда, из сибирской затхлой глуши, тянутся нити понимания характеров его мятущихся, страдающих и бесноватых героев <...>.* – Отчёт В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке». 11.11.2010).

Осмысляя роль Кузнецка в судьбе Достоевского, журналисты часто используют антропоним *Кузнецк* и образованные от него имена прилагательные, размышляя же о роли Достоевского в судьбе города, они в основном сопоставляют в контекстах антропоним, именующий великого писателя, и апеллятив *город*. Хотя употребляется и топоним, как, например, в экспрессивном контексте из отзыва С. Зыряновой «Вечер посвятили роману классика» (18.11.2004): *Как известно, Ф.М. Достоевский недолго пробыл в Кузнецке, всего 22 дня в три приезда. Но эти 22 дня навечно вписались в летопись Кузнецка*. Какие смысловые нюансы способны передать контексты, в которых соположены антропоним *Достоевский* и апеллятив *город*? Причастность к судьбе великого человека – это дар и ответственность, подчеркнутые различными эмоционально-экспрессивными средствами. Например, в заметке Е. Фукс «Жена писателя» (30.04.2005), посвящённой выходу книги праправнука М.Д. Исаевой Анатолия Донова «Мария Констант, жена Ф.М. Достоевского», концептуально нагружена метафора *город был включён в орбиту Достоевского*. Орбита – «путь движения небесного тела» [11. С. 417]. Соответственно, образ Достоевского интерпретируется как точка отсчёта и ориентир, феномен значительного масштаба в летописи города.

Подчёркивая важную роль пребывания Достоевского в судьбе города, авторы материалов также используют различные регулятивные средства, при этом возрастает роль оценочных средств в сравнении с материалами, раскрывающими вопрос о роли кузнецкого периода в судьбе писателя. Отметим среди оценочных средств слова-интенсивы: *Мы знаем, что одна из самых значительных ценностей нашего города – это причастность его к судьбе великого писателя Ф.М. Достоевского* (статья М. Шамовой «Достойное место в культурном сообществе». 04.03.2010); *А Достоевский должен стать главным именем в старой части города* (отчёт В. Валиулина «Год Достоевского в Новокузнецке». 11.11.2010); *Мы, имея мирового значения раритет <...>* (Там же). Неоднократно употребляется возвышенный эпитет *святой*: *Краеведческая общественность Новокузнецка решила положить конец такому отношению как к теме: «Достоевский и Исаева в Кузнецке», так и к самому месту их кузнецкой жизни, святым для всех почитателей русского*

гения и его Музы (Там же); К нему вернула краеведов историк Ирина Петровна Басалаева (Рецикова), которая сказала: «Нужно сделать так, чтобы **святой** образ Достоевского стал частью образа города» (Там же).

Полнос неодобрительной оценки связан с культурным беспамятством. Этот полюс ярко представлен, например, в контексте, где экспрессия создаётся с помощью фигур асидетона и градации, а эмоциональное повторение частицы *не* позволяет за отрицанием увидеть план должного: *Не помнить об этом, не гордиться этим, не привлекать образы Достоевского и Исаевой в культурное пространство нашего города – странно, недостойно и, возможно, даже преступно перед теми, кто придёт на смену нам, нынешним горожанам. К сожалению, чаще не помним, не гордимся, не привлекаем* (Там же).

Как уже было отмечено, для публицистики важна перспективность, поэтому авторы материалов обозначают план гипотетического будущего, связанный с представлением о том, как должен развиваться город, причастный к судьбе Достоевского: *Тем более что поводы для перемены отношения сейчас самые подходящие: в будущем году грядет 190-летие со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского, а через одиннадцать лет, соответственно, 200-летие. И если взяться всем вместе – учёным, общественности, чиновникам и меценатам, можно за оставшийся год произвести такие перемены в пространстве Кузнецка, что и сами потом ахнем* (Там же); *Кузнецкая история Достоевского оказалась вне времени и, несомненно, является маяком, который (в особенности сейчас!) способен указать путь к тому многому в нашем культурном самосознании, которое ещё не достигнуто* (М. Шамова. «Достойное место в культурном сообществе». 04.03.2010). Характерное употребление развёрнутой метафоры «маяк, который способен указать путь» в приведённом примере позволяет говорить о пребывании Достоевского в Кузнецке как о прикосновении города и горожан к высокому, о возможности обогащения духовного пространства, которая, согласно позиции авторов городской газеты, основана на памяти. Стремиться к достойному будущему города для журналистов «Кузнецкого рабочего» – значит изучать историю родного города, чтить память об особенно значимых её страницах, к которым относится и история любви великого писателя и М.Д. Исаевой.

Рассмотрев семантико-стилистические особенности воплощения образа города в материалах городской газеты, раскрывающих тему «Достоевский в Кузнецке», подчеркнём, что прошлое оживает под пером журналистов «Кузнецкого рабочего», связывается с настоящим и будущим. Стереоскопическое воплощение образа города создаётся с помощью приёма параллельного изображения разных временных и модальных планов. В стилистике текстов о Достоевском в Кузнецке отметим роль такого регулятивного средства, как имя собственное, которое помогает читателю ориентироваться в информационном пространстве газеты и не только соотносится с фактической составляющей материалов, но и структурирует смысловое развёртывание текста. Ярким проявлением включённости антропонимов, топонимов и других имён собственных в смысловое пространство текста становятся смысловые лексические парадигмы, компонентом которых является оним. На значимость образа города, воплощённого с помощью апеллятивов и онимов, указывают эмоционально-экспрессивно и концептуально нагруженные контексты, в ко-

торых осмысливаются роль «кузнецкой коллизии» в судьбе Достоевского и роль великого писателя в судьбе города.

Литература

1. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
2. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 312–315.
3. Лихачёв Д.С. Раздумья. М.: Дет. лит., 1991. 318 с.
4. Басалаева И.П. «Концепт “Кузнецк Достоевского”» // Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2011. С. 99–104.
5. Кушникова М.М., Тогулев В.В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Достоевского в документах сибирских архивов. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. 472 с.
6. Шадрина А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856–1857 гг.). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. 155 с.
7. Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы / О.В. Орлова, О.В. Фельде и др. / под науч. ред. О.В. Орловой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 224 с.
8. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.
10. Иванова Т.Б. Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая) // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 120–126.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд., стер. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.